

ВКЛАД ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ. Часть I

Борис Ихлов

Движение «Новые левые» возникло как отказ от сталинизма с одной стороны и как попытка ревизовать марксизм-ленинизм – с другой. Таким образом, новые левые видели, что идеология ВКПб-КПСС не была основана на марксизме, но изначально и далее без отклонений остались верны атмосфере буржуазных либеральных СМИ, утверждавших, что сталинский тоталитаризм якобы логически вытекает из марксизма-ленинизма.

Новые левые полагали, что СССР стал реализацией марксистских схем. Но лишь одна марксистская схема оказалась неверной на практике – отмена денег. И эту схему большевики быстро отвергли. Важно, что новые левые (как и сталинисты) так и не смогли проанализировать суть ошибки, суть введения НЭП.

Капитализмом называется такой способ производства, при котором рабочая сила становится товаром. В СССР существовал институт найма рабочей силы – в лице государства, которое Энгельс назвал «совокупным капиталистом». 5 дней неделю советских рабочих продавал государству свою рабочую силу. Т.е. прочие марксистские схемы прекрасно описывали СССР как капиталистическое государство.

Однако Герберт Маркузе в книге 1958 года «Советский марксизм», вслед за сталинистами выдумывает дополнительный переходный период – между капитализмом и социализмом, он назвал строй в СССР «протосоциалистическим», не капиталистическим, но и не социалистическим в смысле Маркса и Энгельса, поскольку средства производства были только национализированы (огосударствлены), но не социализированы, не были поставлены под прямой контроль рабочих, а классовая сущность правящей бюрократии не определена.

В теме контроля рабочих Маркузе не оригинален, о том же говорил представитель Рабочей оппозиции Мясников. Классовая же сущность правящего слоя управленцев, напротив, определена, этот слой в точности подпадает под определение классов, данное Лениным в работе «Великий почин». С другой стороны, управление есть отношение собственности, поэтому управленец, при всем различии с владельцем, тоже является собственником.

Несоциалистичность, тоталитарный характер советского общества Маркузе объяснял не из марксистской политэкономии, которую, как видим, он не знал, а «существованием конкурентоспособного западного общества».

Маркузе – виднейший представитель Франкфуртской школы, которая стала во главе многих групп новых левых.

В программной для Франкфуртской школы книге «Разум и революция» 1941 года Маркузе пишет: «Диалектика Маркса... все еще тесно связана с предысторической фазой... Понятие, которое по определению связывает диалектику Маркса с историей классового общества - это понятие необходимости. Законы суть необходимые законы; различные формы классового общества необходимым образом погибают от их внутренних противоречий».

Снижение уровня дискурса

Маркузе понимает Маркса следующим образом: в классовом обществе необходимость, «объективность» существуют потому, что человек не свободен, подчинен внешним по отношению к нему естественно историческим законам.

«Переход от неизбежно гибнущего капитализма к социализму, - пишет Маркузе, - необходим только в том смысле, что необходимо полное развитие человеческой личности».

Что такое полное и что такое неполное развитие личности? Маркузе здесь выступает как демагог. Хотя Маркс пишет о тяжелом, монотонном, оупляющем, обезличивающем труде рабочего, он прямо указывает на конкретное отношение: принадлежность средств производства классу капиталистов.

«Новое социальное объединение людей, - продолжает Маркузе, - необходимо только в том смысле, что необходимо использовать имеющиеся производительные силы для общего удовлетворения всех людей... Когда материальные процессы становятся разумными и превращаются в сознательное дело

людей, слепая зависимость сознания от социальных условий прекращает свое существование. Разум, детерминированный рациональными социальными условиями, детерминирован самим собой».

И здесь демагогия, что такое «детерминирован сам собой»? Отдельно от всего? Свободен от всех законов? Но как же при этом он может быть детерминированным социальными условиями? И если сознательно работать киркой, для общего удовлетворения, зависимость человека от социальных условий не исчезнет. Даже слепая. Больше того, будто бы Маркузе отрицает тот факт, что сознание человека не может быть лишь индивидуальным, это новое системное качество, которое возникает исключительно в человеческой стае.

Главным для анализа капитализма Маркузе считает не деление общества на классы, не содержание труда, а следствие - категорию отчуждения, причем не только от средств производства, но от всего, от собственного бытия во всех его проявлениях и даже от собственной биологической природы. Причем тут капитализм – неясно.

«Люди верят, - пишет Маркузе в книге «Разум и революция», - что их отношения друг к другу проистекают из объективных законов, которые действуют с необходимостью физических законов, и их свобода заключается в приспособлении их индивидуального существования к этой необходимости. Таким образом, поразительно конформистский скептицизм сопровождает развитие современного рационализма. Чем больше разум торжествует в технологии и естественных науках, тем неохотнее он откликается на требования свободы в общественной жизни человека».

Итак, Маркузе желает освобождения от законов истории, хочет, чтобы общественная природа не имела законов. Но так не бывает.

Как формулировал Маркс, «общественное бытие определяет общественное сознание». Но Маркузе напрасно приписывает Марксу фатализм, или, как выражался сам Маркс, грубый объективизм. Во-первых, быть свободным от законов физики, химии, биологии – невозможно, даже если классовые противоречия будут сняты. Во-вторых, законы истории существенно отличны от законов естественных наук, потому что они реализуются исключительно через сознание людей. Уже в физике нет механицизма, в истории же действуют не законы механики. а тенденции. Наконец, законы общества меняются путем революций.

Маркузе полагает, что неверна сама гегелевская схема, воспринятая Марксом: в силу закона отрицания отрицания противоположность становится противоречием, снятие которого приводит к синтезу обеих противоположностей, к возникновению нового, но старого на новой ступени. Росту производительных сил начинают мешать отжившие производственные отношения, только тогда происходит революция. Но Гегель отмечает, что синтез не возникает с неизбежностью, если система неспособна удержать противоборствующие стороны в единстве, она просто распадается.

В докладе на конгрессе памяти Гегеля в Праге в 1966 г., Маркузе утверждает: «...Материалистическая диалектика еще остается в русле идеалистического разума, в позитивности, пока она не разрушит концепцию прогресса, в соответствии с которой будущее всегда коренится внутри существующего, пока марксова диалектика не радикализирует понятие перехода к новой исторической ступени, то есть не встроит в свою теорию поворот, разрыв с прошлым и существующим... перед лицом вопроса, может ли - и в какой мере - поздняя ступень западного индустриального общества служить моделью для создания нового общества, по крайней мере, в том, что касается *технической* основы развития производительных сил... Разве это не есть снова форма прогресса объективного разума, новая форма репродуцирующейся власти прошлого, овеществленного в техническом аппарате труда над живым трудом?»

Маркузе, таким образом, пытается доказать, что можно обойтись без старого, он старается обосновать тезис сталинистов, что можно отринуть капитализм на любой стадии его развития. Но техническая основа у Маркузе оторвана от процесса распределения, от изменения самих производителей техники. С другой стороны, Маркс объясняет, что необходимость социализма, переходного между коммунизмом и капитализмом периода, вызвана тем, что коммунистические отношения не вызревают в капиталистическом обществе подобно тому, как, например, капиталистические отношения вызревали в феодальном обществе.

Наконец, Маркузе понимает будущее как что-то никоим образом не связанное с прошлым, что уже явная нелепость.

Откуда же тогда возникает новое?

Противоречивое целое, настоящее, утверждает Маркузе, может быть отринуту только извне, только так может быть достигнута следующая историческая фаза: «Извне, о котором я говорю, не следует понимать механистически, в смысле пространства, а как качественное отличие, которое превосходит противоречия, существующие внутри антагонистического целого, например, противоречие между капиталом и трудом, и несводимы к нему... Качественное отличие новой общественной ступени состояло бы не только в удовлетворении жизненных и духовных потребностей..., но и в возникновении и осуществлении *новых* потребностей, удушенных в антагонистическом обществе. Эти новые потребности найдут свое выражение в радикально иных отношениях между людьми и в радикально иной социальной и природной среде - солидарности вместо конкурентной борьбы, свободном развитии чувств вместо подавления, исчезновении жестокости, варварства и их языка, мире как длительном состоянии».

Новые потребности, новое - возникают как раз в рамках гегелевской диалектики, если к ней добавить гегелевский же принцип развития как восхождения от низшего к высшему. Но, например, солидарность возникает как раз в старом, капиталистическом обществе, в ходе борьбы рабочего класса. Подавление – это условие жизни человека в обществе, которое всегда несет в себе черты этого общества.

Однако здесь Маркузе либо впадает в мистику, либо пытается обосновать тезис сталинистов об объективности субъективного фактора, революционной партии, которая якобы имеет право быть для рабочего класса духовным пастырем.

В «Разуме и революции» Маркузе всерьез пишет, что фашизм уничтожил гегелевскую диалектику. Соответственно, Маркузе, как излагают анархисты, «диалектический материализм недостаточно глубоко анализирует воздействие общественных институтов на бытие и сознание человека, недостаточно учитывает насилие институтов и обстоятельств, формирование искусственных, мнимых, навязанных человеку потребностей. Иными словами, марксистский материализм недостаточно учитывает силы интеграции внутренних противоречий, которые действуют в условиях позднего капитализма».

То есть, здесь Маркузе, анархисты и сталинисты, которые считают, что капитализм перезрел, тождественны друг другу.

Истоки философии Маркузе и всей Франкфуртской школы очевидны. Дьердь Лукач полагал, что говорить о взаимодействии субъекта и объекта, о единстве теории и практики, о перемене законов системы в природе невозможно. Поэтому он отвергал применение диалектики к природе. В то же время, поскольку природу можно познавать и рассматривать только во взаимоотношении с деятельностью людей, Лукач встал на позиции релятивизма. Но и в общественной диалектике Лукач отбросил понятие противоположности, например, практики и теории, сливая их в единый «праксис».

К духовным отцам школы относят также Шопенгауэра, Ницше, Шпенглера, Макса Вебера и даже Канта.

Общественная механика

Маркузе убежден: «...Развитое индустриальное общество вплотную подошло к возможности материализации идеалов» («Одномерный человек»).

Левацки настроенная публика полагает, что уже возникла возможность для тотального перехода даже не к творческому труду, а к симбиозу труда, игры и наслаждения, что уже нет проблем для любых общественных преобразований, стоит лишь убедить в этом большинство.

В «Эссе об освобождении» Маркузе провозглашает революцию аутсайдеров, чье сознание якобы не тронуту буржуазностью. Философ призывает к сексуальной революции – к отмене всех запретов и вообще всех нравственных норм.

В книге 1955 года «Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда» Маркузе, как утверждают, соединил несоединимое: фрейдизм и марксизм.

У Фрейда двигателем общества является сексуальная сила, как флогистон, теплород или пассионарность – либидо. Кроме либидо, в человеке заложена агрессия. Общество подавляет оба инстинкта, они вытесняются в подсознательное, что ведет к неврозам.

Маркузе извращает и Фрейда: по Маркузе вместо агрессии – «танатос», вместо либидо – «эрос», подавление эроса приводит к резкому усилению танатоса. Мысль бездонной глубины: цель человека – сексуальное наслаждение, если девушка не дает, ее избивают.

Кроме того, Маркузе выдумывает дополнительное, классовое подавление инстинктов, превращение человека в винтик в механизме. Подавлению служит и культура, которую Маркузе объявляет «репрессивной». Материальная культура, фантазирует Маркузе, вступает в противоречие с эросом, принципом наслаждения и счастья.

Словом, история человечества – не история борьбы классов, а история подавления инстинктов индивидов.

Неофрейдист и фрейдомарксист Эрих Фромм тоже указывает: человек – не индивидуальность, он превращен в робота, стал частью машины, утратил свое «я».

Другой представитель школы, Теодор Адорно, во главу революции ставит аутгруппы, аутсайдеров.

Авторитарность индивида Адорно связывает исключительно с его отношением к аутгруппам.

Технический прогресс, указывает Адорно, подчиняет себе искусство, ставит его на службу капиталу, всё продается и покупается на рынке. Поэтому массовая культура манипулирует человеческим сознанием, примитивизирует искусство, делает из него орудие пропаганды.

Но, с одной стороны, ничего нового здесь нет.

И Маркс, и Энгельс писали о газетных фетишах как о манипуляции массовым сознанием, об искусстве на службе у капитала писали многие советские публицисты, начиная с 30-х годов.

Капитализм, как пишет здесь Маркс, «обрекает рабочего на оскудение и опускание до уровня машины» («Экономическо-философские рукописи 1844»).

Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» пишет, что «господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собой исчезает вместе с последним».

С другой стороны, соединить не связанные вещи, причем одна из которых явно антинаучна, невозможно. Фрейдизм – это учение о либидо, о вытеснении, словом, о нейрофизиологии, частной науке. Психоанализ тоже антинаучен. Нет никакого либидо, никакого сверх-Я, никакого Эдипова комплекса, это всё фантазии Фрейда. В книге также присутствуют ссылки на Пиаже, Уайтхеда, Гуссерля. К книге есть гегельянство, но марксизма – ни на миллиграмм. Вместо революционной теории – сентенция: «Критическая теория общества не располагает понятиями, которые могли бы перебросить мост через пропасть между настоящим и будущим...» (Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: 2003. С. 515).

Идея фрейдомарксизма возникла в голове психоаналитика Вильгельма Райха, ее разработке он посвятил книгу «Диалектический материализм и психоанализ», опубликованную в 1929 году в журнале «Под знаменем марксизма». Дело Райха продолжил Отто Финихель в 1934-м в статье в 1934 году. Далее Эрих Фромм подсунил эту идейку участникам Франкфуртской школы. В конце XX века Славой Жижек снова попытался поженить марксизм и фрейдизм.

Адорно развивал идеи антисистематической «негативной диалектики». Райх издавал журнал политической психологии и секс-экономики. Жак Лакан, Гастон Башляр, Альтюссер, еще экзистенциалисты, экзистенциалисты-персоналисты, многоликие троцкисты, неопозитивисты, структуралисты, герменевтики, аналитическая философия, «континентальная философия»... Их было много на челне.

Маркузе отвергает не просто императив буржуазного общественного сознания, но императив любого общественного сознания. То есть, вместе с водой выплескивает и ребенка, собственно личность человека, поскольку человеческое сознание возникает исключительно в обществе, как новое системное качество.

Слово и дело

Герберт Маркузе учился у идеалиста, феноменолога Гуссерля, был ассистентом немецкого экзистенциалиста Хайдеггера.

В 1928 - 1929 гг. в «Очерке по феноменологии исторического материализма» о книге Хайдеггера «Бытие и время» и в статье «О конкретной философии» попытался соединить марксизм с воззрениями Хайдеггера и Гуссерля. В «Очерке» выступил против фатализма и механицизма в истории у некоторых марксистов, но в духе волюнтаризма-релятивизма: представил исторический материализм Маркса как теорию «исторической возможности радикального действия, призванного освободить для реализации целостного человека необходимую новую действительность». То есть, фактически отбросил весь исторический материализм.

Маркузе, как уже сказано, один из основателей Франкфуртской школы.

Франкфуртская школа возникла в 20-х годах XX века на базе Института Социальных Исследований во Франкфурте-на-Майне. Ее основатели - первый директор Института, правовед Карл Грюнберг и директор Института с 1931 года Макс Хоркхаймер.

На первый взгляд, объединительные тезисы школы были вполне марксистскими: 1) необходимость освобождения индивида от любого вида эксплуатации, «освобождено должно быть всё, что может быть освобождено», 2) необходимость ликвидации отчуждения производителя от продукта труда, 3) критика тоталитаризма и авторитарной личности.

Казалось бы, что стоит осмыслить сталинский СССР в рамках марксизма.

Но вместо осмысления тоталитаризма, вместо отрицания буржуазной нравственности и морали школа с усердием занялась выкорчевыванием нравственности и морали вообще, ее представители забыли, что собственная нравственность есть и у рабочего класса.

Под каток, как отмечалось выше, попала и мировая культура.

Франкфуртская школа провозгласила традиционные музыку, живопись, литературу, кинематограф репрессивными, что придало импульс вполне буржуазному авангарду. Адорно превозносил атональную музыку Шёнберга, школа поддерживала такие направления, как поп-арт, додекакофонию и т.п. К этому добавилась пропаганда психоделической революции, изменения массового сознания с помощью психотехник, психотомиметиков и психоделического искусства. Частью этой революции должен был стать антипрогибиционизм, то есть, борьба за свободу наркотиков. Вопрос «репрессивного» традиционного секса не остался в стороне, школа активно пропагандировала однополую любовь. Представители школы призывали ввести в детских образовательных учреждениях уроки сексуального просвещения с пропагандой гомосексуализма, к уравниванию воспитания мальчиков и девочек с будущим набором женщин в армию, к пренебрежению авторитетом учителей, к отказу от национальной самоидентификации, к отказу от семьи, к отказу от опеки государства.

Лидеры школы полагали, что такими способами они настолько дискредитируют капитализм, что социальная революция станет неизбежной.

На самом деле под флагом дестабилизации капитализма путем подрыва нравственности школа подрывала нравственность и рабочего класса, то есть, его способность к солидарности, следовательно, к классовой борьбе.

Казалось бы, школа провозглашала борьбу с религией. Но школа не вела борьбу с религией, у ее лидеров нет ни единой серьезной работы, посвященной религии, даже отдельные научных или пропагандистских статей. С другой стороны, последователи школы ведут борьбу исключительно с РПЦ не обращая внимания на ислам или американские конфессии.

Маркузе предлагает соединить с марксизмом экологическое движение в духе книги Альфреда Шмидта «Концепция природы у Маркса» 1962 года, ссылаясь на работу Мюррея Букчина 1971 года «Анархизм после дефицита», утверждает, что экология должна быть доведена «до такой степени, чтобы ее больше нельзя было сдерживать в рамках капиталистических рамок.

Но на практике экологическое движение прочно встало на службу капиталу, в первую очередь, «Greene Pease».

В интересы рабочего класса, ни ближайшие, ни стратегические, никак не входили наркомания или однополая любовь. Активностью Франкфуртской школы воспользовался именно капитал, против которого она якобы боролась. И один из первых во Франкфуртской школе, Герберт Маркузе, этому сознательно способствовал – поскольку сотрудничал с ЦРУ. Точнее, с Управлением стратегических служб, предшественником ЦРУ, с 1942-го по 1945, но, как известно, бывших сотрудников спецслужб не бывает.

Когда в конце 60-х в США возникло мощное молодежное движение, и это движение было усилено забастовками рабочих против конвейерной обезлички, в движение были брошены и пропаганда однополый любви, и антипрогибиционизм.

Хоркмайер и Адорно выступили против молодежного движения, правда, нелепо обосновывая свою позицию, якобы это движение приведет к террору, да было поздно.

Молодежи внушили, что отращивание длинных волос есть протест против системы. Таким образом, движение было выхолощено, направлено в безопасное для капитала русло. Не капитализм дискредитировал себя, а молодежное движение дискредитировало себя.

Ныне активным сторонником легализации наркотиков выступает Джордж Сорос.

Революция

Непонимание Гербертом Маркузе роли рабочего класса в истории, его коренного интереса уничтожения доминирования абстрактного содержания труда, уничтожения себя как класса привело к тому, что Маркузе вслед за Грамши отверг тезис о решающей роли рабочего класса, считая, что рабочий класс интегрировался в капитализм, стал потребителем.

Казалось бы – действительно, рабочий класс в лучшем случае способен бороться за наиболее выгодные условия продажи своей рабочей силы, капиталистическая система при хорошей зарплате его вполне удовлетворяет. Так считает Ноам Хомский, так считает философ А. Г. Глинчикова, так считают многие исследователи рабочего класса СССР. Начиная с 50-х в СССР многие философы склонялись к тому, что в будущей мировой революции главную роль будет играть интеллигенция. Наконец, еще Троцкий полагал, что в Латинской Америке в революционных событиях рабочий класс не будет играть главную роль.

Борис Кагарлицкий всерьез пишет, что идеи раннего Ленина «парадоксальным образом близки к взглядам Маркузе. Различие лишь в том, что Ленин видит выход из этой ситуации в деятельности революционной партии, которую создает интеллигенция».

«Выход из ситуации». То есть: очень хочется сделать революцию. Зачем оглядываться на законы истории, на уровень развития производительных сил.

Кагарлицкий лжет. Он приводит в пример Че Гевару – но Че Гевара пытался осуществить неосуществимое, экспортировать революцию Боливию, в крестьянскую страну, то есть, в незрелую для социалистической революции страну, где рабочий класс малочислен. Потому революция в Боливии потерпела поражение. Пример Мао тоже ни о чем не говорит, поскольку VIII съезд КПК в 1956-1958 гг. установил, что в Китае – государственный капитализм, и сам Мао неоднократно подчеркивал, что между китайской буржуазией и китайским рабочим классом налажено социальное партнерство.

Кагарлицкий неграмотен, молодой Ленин знал место революционной партии, тем более, составленной из интеллигентов. В проекте к 1-й программе РСДРП Ленин указывает, что задача социал-демократии сводится к помощи пролетариату в его самоорганизации. О роли партии Ленин заговорил в 1901 году, в брошюре «Что делать?», где в полемике с анархистами фактически встал на позиции оппортуниста Бернштейна, провозгласив первичной партию, а класс – вторичным. Но позже Ленин многократно отрекся от этой позиции, подчеркивая самостоятельность рабочего класса.

Устремления Кагарлицкого понятны: каким-то боком и себя подать как создающего революционную партию.

Безусловно, современный рабочий класс, правда, как и интеллигенция, как и все левые, ни на что не способен. Но это не отменяет процесс нарастания противоречия между умственным и физическим трудом, конкретным и абстрактным. Понятно, что на смену современному заводскому рабочему должен прийти новый заводской рабочий.

Рано или поздно для нового рабочего класса основным станет угнетение не в виде низкой зарплаты, а в виде самого обезличивающего труда, рано или поздно рабочий класс востребует труда творческого.

Что касается Маркузе, Адорно, Хоркмайера и пр.: ЛГБТ – вот итог их деятельности. Даже представитель Франкфуртской школы Эрих Фромм заметил, что Маркузе прикрывает революционной риторикой «иррациональные и антиреволюционные» взгляды.

В книге «Контрреволюция и бунт» Маркузе анализирует причины поражения французской революции 1968 года. Он перестает относиться к рабочему классу как к обуржуазившемуся, в студенческом движении он видит детонатор рабочей революции. В числе причин поражения Маркузе указывает ограниченность социальной базы, но главной причиной называет «превентивную контрреволюцию». Маркузе, который стоял у истоков поражения движения в США в конце 60-х, знает, что пишет. Его книга «Эссе об освобождении» стала верхом популярности для молодежи 60-х.

«Превентивная контрреволюция - не новое понятие, для предотвращения пожара путем взрыва Николай II ввязался в «маленькую победоносную войну».

Не только Зубатов создавал рабочие организации для борьбы с буржуазией, но преданные царю.

Спецслужбы различных стран плодили самые радикальные левые организации, чтобы контролировать весь поток радикалов. Некоторые из этих организаций спецслужбы подталкивали к террору.

Такой же превентивной «революцией» были события в СССР в конце 80-х – начале 90-х, когда стада буржуазных демократов в союзе с властями и СМИ затоптали неформальные марксистско-ленинские рабочие организации, о чем я уже писал в своей книге 1996 года «Восстание элит».

Но события 1968 года во Франции не имеют к превентивной революции никакого отношения.

Казалось бы, сложилась революционная ситуация, когда произошло резкое ухудшение положения рабочего класса: 2 млн рабочих имели доход в размере минимальной гарантированной оплаты труда.

Городские трущобы разрастались на глазах. Начались перебои с транспортом. Число безработных в начале 1968 г. - 0,5 млн чел. на 50 млн населения. Армия безработных - в первую очередь, молодёжь. Аграрная реформа привела к ликвидации большого числа крестьянских хозяйств. Рабочий класс был активен, в 1966-1967 гг. в Париже и провинциях произошло значительное количество забастовок.

Но кризис мая 1968 проходил на фоне десятилетия экономического взлета, уровень жизни во Франции стал одним из самых высоких в мире. С другой стороны, нарастало противостояние Парижа и Вашингтона, Де Голль увез в США доллары и привез золото, примеру Франции последовали другие страны. Ситуации, когда верхи не могли управлять по-старому, не было. Рабочие, хотя и захватывали заводы (яркий пример – Сюд Авиасьон), и не пытались создать Советы.

Новые левые, которых возглавляли Сартр, Мишель Фуко, не были «превентивными», они были лишь привлекательным фантиком. Требования радикальной молодежи были далеки от социалистических, они включали в себя требования рабочих, но главным была отставка президента. Среди лозунгов: «Товарищи! Любовью можно заниматься и в школе», «культура — это жизнь наоборот», «алкоголь убивает. Принимайте ЛСД», «пролетарии всех стран, развлекайтесь!», «звонит будильник. Первое унижение за день» и т.д.

Де Голлю удалось сплотить нацию на образе США, дело закончил премьер Жорж Помпиду, призвав в предвыборной кампании к «защите республики» перед лицом «коммунистической опасности». Один из лидеров молодежи, противник всякой власти анархист Кон Бендит, был вовлечен во власть, стал активистом проамериканской Партии зеленых.

Капитал использовал не только «достижения» Франкфуртской школы, но и движение за права женщин, и движение против расизма, создав ВЛМ, и экологическое, и даже профсоюзное движение, и даже компартии.

Анархисты и прочая левацкая мелкобуржуазная публика уверяют, что Франкфуртская школа «внесла неоценимый вклад в сокровищницу левой мысли». Никакого вклада в «сокровищницу» школа не внесла, но марксизм извратила основательно.

Октябрь 2021